

Василий Киляков

Василий Киляков – окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1996 году (мастерская М. П. Лобанова). Публиковался в журналах: «Берега», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Новый мир», «День и ночь», «Литературная учёба», «Подъём» и др. Лауреат Всероссийских литературных премий: «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

ДОСТОЙНЫЙ ПУТЬ ПОЭТА

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН: ОТ «РЕКИ» – К «УПРЯМОЙ РЕЧИ»

В феврале 2022 года за книгу «Упрямая речь» А. Г. Нестругин был удостоен премии СП России в номинации «Лучшая книга года». Награждение состоялось в Москве, в Малом зале ЦДЛ. И это ещё одна премия в череде премий поэту, прозаику, эссеисту вслед за премиями Э. Володина, С. Есенина, премии А. Платонова...

Открыл его книгу стихотворений «Упрямая речь: новые стихотворения» (Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2021. – 192 с.), вспомнил нашу переписку в течение одиннадцати лет и особенно – книгу «Река», с которой начиналось наше знакомство...

Сокрыты сегодня поэты настоящие, поэты глубинки, часто – далёкие от столиц. Не крикуны, а тонкие, отзывчивые на нужды народа, почвенные проникновенные поэты. Не очень-то участлива к ним столица сегодня, многие ли знают их имена? Открывал книги с добрыми словами посвящения и долго не мог оторваться от негромкой, звучной, свежей, сердечной лирики:

Подступит ночь: темно и грустно!
Сижу, прикрыв глаза рукой,
И мне заснеженное русло
Последней видится строкой,

Чуть проступающей, где важен
Не смысл какой-нибудь иной,
А то, как резкий почерк сглажен
Прощаньем с горечью земной.

...Вроде бы отошли, «отзолотились» и «отсеребрились» два века неповторимой великой русской литературы. И отчётливо видно сегодня, как в протёртом оконном стекле понимается, что стихи Нестругина – глоток свежего воздуха. Ведь и впрямь: и модерн, и мейнстрим, и «андеграунд» (что значит в переводе с английского «подполье, подвал») – и темны, и душно тесны. Кто же скрывается в подвале? Единственно нечисть, хвороба всяческая... И вот опять слышу, в который раз объявили о «смерти классической русской литературы», что было и прежде: «Иван Иванович умер», но теперь не от избытка писателей, как при СССР, а от недостатка талантливых... И «сонм» «писателей» нынешних раскидывает-рассеивает через Интернет серые стишата, отвратные поделки в прозе скабрёзного содержания. Так плевелы-сорняки трудноотличимы от зёрен ржи, пшеницы и других культур. Внешне, на первый взгляд, весьма схожи, но в плевеле содержится ядовитое вещество, и, попадая в хлеб, это подобие злаков превращает каравай непригодным для еды. И вот казалось (по крайней мере, с девяностых годов), что поэзии тихой, негромкой, песенной, понимающей до самого сердца горячей строфой – такой поэзии уже нет и вряд ли будет.

И вот – Нестругин:

То думы долгие, то страх,
 Что время тает...
 Друг растолкал меня впотьмах:
 – Гляди, светает!
 – Ты что, с похмелья обалдел?
 Всю ночь не спавши!..
 Но всё же тёр глаза, глядел, –
 Друг, он постарше,
 И как бы кто кого ни злил,
 Нам жаль друг дружку...
 А он вчерашний чай разлил
 По чёрным кружкам.
 И каждый лист ронял слезу,
 Словам мешая...
 А под обрывом, там, внизу –
 Река большая
 Плескалась, празднично лилась,
 Дышала белым...

Ну, ладно, жизнь не задалась –
 Большое дело!
 Подумаешь – замкнулся круг,
 Затихли речи...
 Но есть река, и рядом друг
 Сутулит плечи.
 И кто бы там ни говорил,
 Что всё, темнеет, –
 Он жив, и чай он заварил,
 Как он умеет.
 И мы стоим плечо к плечу,
 Где вниз – крутая
 Тропа, и я сказать хочу,
 Что – да, светает.
 Но не нашарю по темнóу
 В груди глагола.
 А чай тот – крепкий, на тернóу –
 Сжимает горло...

Не знаю, кто лучше Нестругина в наши времена сказал о бренности человеческого бытия именно так заповедно, так тонко. Двое на голой земле, у реки. Друзья, которых связывает крепко испытанное прошлое. Та духовная общность, что христианство два тысячелетия называет «любовью во Христе». А подтекст: «И каждый лист ронял слезу, словам мешая...» И понятно, что дело не в листе, угодившем в кружку, причина глубже. Это как раз тот случай, когда за двумя словами стоит мир человеческих отношений. И не только от чая «сжимает горло».

У автора свой собственный лексикон, присущий только ему и никому другому, это в литературном цеху обозначают всяко: и «литературный приём», и «мастерство»... Но слово не возникнет и не распустится в цвет, если оно не прочувствовано. Помнится, А. И. Солженицын пошёл простым дюжинным путём: вдруг создал и выпустил «Словарь-расширитель» русского языка. Хорошо, что на этом только остановился, не пошёл дальше. Не выпустил произвольный «словарь метафор», «словарь аллитераций», «синонимов» со стихийными приставками, суффиксами самыми нелепыми и прочее. Потому что такие словари и слова-калеки вызывают лишь жалость, слово нельзя «вытащить» из памяти, намеренно покалечить его, сложить вроде математической формулы; нельзя сочинить произвольно лексему-отсебятину. Слово образуется и ложится – или не ложится, и чувствовать форму и прелесть звука слова способен только настоящий, испытанный, «завязтый», как говорят, поэт, природный или самородный, пишущий давно и *в радость* читателю. Иначе говоря, «не всякое лыко в строку». В этом и даровитость, в этом таинство и премудрость: найти слово потаённое, самое сокровенное – не из словаря вытащить и приспособить, а в душе своей отыскать тот отзвук, тот, что едва слышишь-чувствуешь... И так ясно, читая Нестругина, видишь, что никогда не соорудить по лекалам «словарей-расширителей» такой лирики.

Словари *интересных* людей так и останутся лежать пудовыми колодами, которые невозможно прочесть с их версификациями подразумеваемых предлогов, глагольных и отглагольных форм, а читая хорошую, честную, трудную книгу мастера, поражаешься вдруг: как много ещё не написано именно тончайшего, как много предстоит написать не сложносоставными придумками, а сердцем. И тогда тем более удивляешься тому обстоятельству, этакой «моде»: придумывать, фокусничать вместо того, чтобы открывать такие простые и понятные строки, которые берут за живое, не отпускают, напоминают о себе совсем неожиданно, тайно и через годы даже.

...Что же это за «мода», что это за напасть, и не только у нас, у русских, у «россиянцев» (как любили повторять, обходя запретную тогда *русскость*, особенно в высоких и самых высоких кабинетах), что за недуг это: как в давние трудные, переломные для России годы – снова в «дыр бул щыл» ударились или «о, закрой свои бледные ноги» полюбили, ведь «фиолетовые руки // на эмалевой стене // полусонно чертят звуки»?.. Потому что причина одна и та же (с разницей временной в век):

настоящее ёмкое русское слово стараются «забить», замарать или покрыть неким слоем канифоли или левкаса, чтобы закрасить, зарисовать, замалырить самый даже лик – Божественный лик, сам неповторимый русский слог, неизменный в подлинности своей... (Сколько примеров с некоей Горалик, с М. Малиновской; с какой целью замарывание читателя – в том числе и юного – даже не просто бесталанностью, а и матерщиной, и собиранье премий при таком позоре?) Откуда этот морок-наваждение, затемнение общего смысла и образа русской поэзии? Нынешние «пачкуны», декораторы малюют по образам шедевров, написанным до них (от одного из «корифеев» из сегодняшних пиитов: «Ночь, улица, // фонарь, аптека. // Практически не видно // ни одного человека»). Две строки классика, две строки свои, и готова «котлета». Так в чём же дело, время ли пасквилям, украденным памфлетам и «андеграундам» сегодня? Но странно: громадные деньги улетают на подобных стихоплётов в поощрение, а настоящий поэт, Нестругин, выпустивший 11 книг стихотворений, получает всего-то треть по счёту премию за более чем полувекковой труд.

Вот поэзия:

Как глядит этот свет равнодушно и стыло,
На глухой шепоток боль мою обменяв...
Надо жить, надо жить – на зубах, через силу,
До кровавых корней ногти все обломив...
Пусть не мне, пусть не мне полыхают сирени –
Там, в разрыве небес, на обрыве крутом...
Надо жить, надо жить – и вставать на колени,
Редкий воздух хватая запёкшимся ртом...
Незатейливый дар, непомерная плата –
Только как я просить стану что-то взамен?
Надо жить, надо жить – тяжело, виновато,
Обречённо почти поднимаясь с колен...

Надо жить, надо жить – умирая, старея,
Заплутавшей дороги не видя почти.
И дойти, и дойти – до небес, до сирени,
Ну а может, – всего лишь до края пути...
Надо жить, надо жить –
каждой бьющейся жилкой,
Каждым нервом, уставшим кричать в темноте.
И опять рисовать три заветных снежинки
Вместо точки – на самом последнем листе...

...Когда-то И. А. Бунин, трепетно относившийся к слову, признался в «Дневниках», что нет ничего труднее, чем зарабатывать чтением своих произведений. Смотрю на сегодняшних «пиитов» и «композиторов» – и приходит в голову только одно: а сегодня нет ничего легче, чем зарабатывать со сцены. Это как у Л. Н. Толстого замечено в «Дневниках» позднего времени: «“Хороший ли поэт NN?” – “Да что же, кормится...”» «Кормится» – вот критерий. Не пора ли разделить поэзию и тех, кто «кормится», ведь так должно произойти когда-то? Когда и кто скажет вслух, что ни Газманов, ни Шнур, ни Рубальская, ни Быков-Зильбельтруд, ни Борис Гребенщиков – «и близко» не поэты ни на йоту, тем более не песенники. Но вот не стыдно же и Макаревичу называться поэтом. Не стыдно, написав дюжину псевдоглубокомысленных, а на деле – пустыньских песенок, причём более тридцати лет назад, до сих пор «кормиться» от этого «навара», вещать благоглупости... А песни А. Г. Нестругина многие ли слышали? А они есть, живут, и какие песни!

Ну-ка, откроем Александра Гавриловича, тот же сборник «Река», – там тоже размышления поэта о подменном и о настоящем.

Шумят балы. Гуляют нувориши.
Их дамы щеголяют нагишом.
А я смотрю, как выбелило крыши
В моём родном райцентре небольшом,

И хлынул тополиный лист – отвесно,
И потому так улицы строги;
И возле глаз, глядеть привыкших честно,
К утру проступят тёмные круги.

Кажется, многие ли сегодня ищут настоящее прочесть, многие ли ищут освежить душу чтением поэзии? И дело не только в том, чтобы получать наслаждение, – необходимо научиться читать, воспитать вкус собственный читательский и даже и волю к чтению. Чтение – труд, и немалый. К труду, особенно в пору начальную, необходимо привыкнуть. Хороший читатель – тот, кто «сформировался», оформился как личность, а это само по себе – весьма непростое дело.

Есть ли она на сегодняшний день, честная-то литература, от которой, по Нестругину, *ветер в карманах и чёрные круги возле глаз*? Не выродилась ли? Вопрос этот не казался бы мне, наверно, нынче

таким острым, злободневным, если б ещё не та первая, подаренная мне «тихая» книга с проникновенными строками – книга стихотворений «Река» Александра Нестругина, присланная мне автором с добрыми словами, написанными на светлой первой странице. И если бы не боевитая, оглушительно социальная его «Упрямая речь», недавно получившая престижную премию СПР...

Помню, как на кафедре Литинститута открыл и вслух читал сборник «Река»... Я возвращался вновь и вновь к тем или иным нестругинским строкам, и всё же в радости моей горчинка была: написание таких книг и издание их *за счёт самого поэта* (и это позор всем тем, кто надзирает за культурой!), издание «за свои» вовсе не от изобилия средств – дело подлинно подвижническое.

Яснее ясного и то, что прошлые века русской литературы – неповторимые, величавые – не могут не просиять в грядущее. Прошлое с нами, но прислушаемся к современнику, несомненно возмужавшему на высокой поэзии.

Настоящее, творческое всегда требует усилий, душевной и сердечной работы:

«Не забуду тебя, не забуду!» –	Как вода, переполнив запруду,
Лоб горячий разлукой студя.	Малой каплей возвысаясь над ней.
Как вода, ударяясь в запруду,	«Позабуду тебя, позабуду,
Оглушённо на круг уходя...	Изменившую мне – прокляну!»
«Даже если тебя позабуду,	Как поток, уносящий запруду,
Всё равно до скончания дней...»	Но оставшийся всё же в плену...

И слово поэта в плену не озябнет, прорвёт плотину, найдёт заводь сердечную, заскрипят заработают ключины. В том-то и тайна поэзии: простыми словами выразить невыразимое.

Конечно, несправедливо было бы сказать, что уж совсем-таки нет сегодня хорошей литературы, она есть, и книга «Река» – тому доказательство. Но доступна ли она широкому читателю, ценителю? Нет, недоступна. Интерес к слову перекрыт, пресечён, потребность в книге резко и намеренно снижена. И сделано так именно неестественным усилием. Пятьсот, много – тысяча экземпляров за счёт автора – вот и всё, на что можно рассчитывать: таковы последствия этого «подсечного земледелия» в области культуры пост-ельцинской эпохи. А без широкой и должной «информационной поддержки», без огласки чуда поэзии как будто и нет вовсе. И обманно убеждают толпу, что нет будто бы чуда, даже и смысла нет в чуде-слова. Ложь!..

Зачем нисхождение огня на Пасху, если об этом никто не узнает... Нам неведомы Божьи замыслы, но это чудо – в укрепление нашей веры, веры немощных. Без огласки, рекламы хорошо написанная книга подобна ярко зажжённому камину или печи, которые светят и греют лишь в каморке писателя. Увы, имена лучших современных поэтов – не просто литераторов – редко доходят до нас, горят огни лишь в их одиноких кельях, в далёких уголках нашей земли. Много ли сегодня этих келий с пылающим камельком-талантом – Бог весть. Откроются ли они когда-то, воссияют ли для нас?

АВВАКУМ

Дожили: вожди сошлись – в соборе...	Грешен, страстен, я с тобой причащен
Глянь в глаза им, что и здесь пусты,	К вере той, где каждый миг болит,
Аввакум – святой огонь во взоре,	Где с амвона говорит не злато,
Грозные, разящие персты!	Не отступник, пьян и криворот.
Век свинцов, а тёмный путь ненастен –	И уже страшить не может плата –
Мимо новых храмов и молитв...	Та, что только смертное берёт.

Дата написания этого стихотворения: 1998–2009 годы. Стояли или не стояли с толстыми дорогами свечами в Кафедральном соборе «верховные чиновники», а люди простые гибли от голода, холода и разрухи, они и свидетельствовать будут, когда минет сей век, тот, что «свинцов», и путь пресечётся «ненастен».

Да ведь и читателей, ценителей поэзии – тоже меньше и меньше. Кто оценит экономию, бережливость, филигранность чувств и мыслей, для единственной строки потраченные дни, и недели, и месяцы... Кто знает этот труд, а трудяг-поэтов настоящих, нынешних поимённо? Очень и очень немногие.

Так что же случилось со всеми нами, что с нами случилось? Даже в голодные и холодные годы послереволюционные и послевоенные, в годы напряжённых пятилеток и в самое военное время поэты России (и не только России) всегда были не только востребованы, а и любимы, даже обожаемы, – властителями дум были поэты. Есенина или Маяковского знали едва ли не так, как ныне не известен ни один разбогатевший, распиаренный холуй. Да и тот же малопонятный, но слушаемый Велимир Хлебников, хоть и был-то всего лишь «Президентом Земшара» и им и остался навсегда, а и в нём видели поэта, не просто чудака. И слушать приходили, хоть и «буржуйки» в московских квартирах топили последним: паркетом и венскими стульями зимой. Ну, а как разделить Блока или Ахматову и революционный смерч? Пили чай морковный, ели ржавую селёдку, но какие писали стихи! Игорь Северянин и сегодня не забыт, а тогда он и вовсе слыл «Королём поэтов»...

«Наелись колбасы. Помойки завалены барахлом, но стали ли мы лучше, человечней?» – помню, так говорил мне старик, еле двигавший ногами, инсультник, перебирая книги, выброшенные связками на мусорку; он сберегал их, укрывал от мокрого осеннего снега-дождя.

Время не создаёт ни людей, ни характеры. Люди создают своё время и самих себя.

Из книги «Река» Нестругина:

Эти новые реалии,
Где главой всему – барыш,
Будто тесные сандалии:
И пошёл бы, да – шалишь!

Нет, на торг спешить не стану я
(Точно скажут: ну и жмот!)...
Я донашиваю старое –
То, что совести не жмёт.

А вот в 2010 году написано стихотворение, – и послушайте, какая вера в народ, какое пронзительное чувство сопереживания за обворованных, ограбленных и одураченных, обведённых вокруг пальца сограждан. Что-то родное, послевоенное, слышится в стихотворении, когда в образе девушки, стоящей над обрывом, – Родина наша... Вот оно:

Кого ты ждёшь? Ушла утайкою
К обрыву, где простор и стынь.
А он – с потёртою фуфайкою,
Мазутом пахнущей: «Накинь...»
Ночь за собой уводит ерики,
И шлях, таясь, уходит с ней –
Туда, где бьётся жизнь в истерике
Синюшных вспыхивающих огней,
Где «племя ино» ждёт с подарками
И одаряет люд хмельной
То дорогими иномарками,
То даже родиной иной...
Кричит тебе: «Деревня тёмная,
Да кинь ты свой кизячный край!

Вот – вся в огнях – дорога торная,
Иди, обновки выбирай!»
Кого ты ждёшь? Созвездья грудятся,
Подходят с трёх родных сторон.
И змий ползёт... И всадник чудится...
И знобко душеньке. А он...
Ну, поманил бы речью яркою,
Так нет, катает желваки.
...Но ватник, что пропах соляркою,
Не он ли снял с себя: «Накинь...»
И слово – трудное, угластое –
Одно решит судьбу твою.
Он, твой народ, не слишком ласковый,
Но с ним не страшно на краю...

Ну где, в какой «Большой книге», в каком «Нацбесте» или «Букере», среди каких «номинантов» найдёшь строки такой силы и прозрения:

ОТЧИЙ СВЕТ

Хлеб земной наш – не горсточка зёрен,
Отчий свет – не один лишь порог...
Здесь дожди. Здесь легли чернозёмы
Поперёк окаянных дорог!
Здесь та Русь, что вминали, стирали –
И орали, что нет её тут.

Здесь из колеи судьбу тракторами,
Тракторами, родимую, рвут!
И царей всех по матушке кроют,
Трос последний порвав... А потом
Все ухабы лопатами сроют
Да и стронут судьбину – хребтом.

Где же поэты, равные Нестругину, на слуху ли они? Знаю Д. Мизгулина, Е. Семичева, Д. Кан... В. Кирюшин, Г. Ёлкин, Евгений Юшин, Н. Зиновьев, Н. Дмитриев (уже ушедший)... Татьяна Глушкова (также ушедшая, так и не оценённая по достоинству при жизни, не услышанная), Светлана Сырнева... А как ушёл поэт Мельников Николай? Да что говорить! Не дают их услышать, не говорят о них, не показывают. А вы послушайте...

Здесь мы вроде кому-то известны,
Нас, бывает, в лицо узнают.
Но не нами написаны песни,
Что в далёких столицах поют.
То ли мы не талантливы, то ли
Потерялись, смирились, спились...

Но знобящие песни застолий
Не под нашим пером родились.
Что же нам-то, что нам остаётся?
Просто жить, оставаясь людьми.
Не всегда в этой жизни поётся,
Не всегда в ней поётся, пойми...

Слова горькие и правдивые, казалось бы, но ведь что-то исправить ещё возможно? Необходимо даже выправлять. Пошлость, приблизительность, малокультура, мелкотемье – не терпят, не выносят честного соперничества оттого уже, что заведомо ясно даже и им самим: они, столичные-то, несомненно проиграют. Вот отчего такая экспансия их, вот откуда ненависть теней – к свету и чистой солнечной глубине: нетопыри боятся света.

Но заморочили же народ, успели. Как? Когда? Да и поэты талантливые скромны, не крикливы, не кичливы. Они вынашивают слово. Они живут словом и со словом. А честная и подлинная работа всегда трудна, многосложна. Потому и одиноки творцы, разобщены, в обществе молчаливы. Редко-редко удаётся перемолвиться им друг с другом – и то уже удача, и то – глоток живого воздуха!

Лишат тебя чинов, наград, щедрот –
Не возропщи: и это Божья милость.
И Родина неслышно подойдёт,
Что всё тебя как будто сторонилась.
Ну, сторонилась – это ты решил...
Когда тебя к вершинам возносила –
Под гул турбин, под тихий шёпот шин, –
Ты думал: о, Божественная сила!
А Родина – она тебя ждала:
Из дней чужих, как с дальних побережий.

И сон твой бередила, и была,
Забывтая почти, твоей бережей.
И ведала, что ты не тать, не вор,
Как ни лияй – не свой картавой стае,
И потому смахнут тебя, как сор,
Со Спасской башни ввечеру взлетая.
И будешь ты искать огня, жилья
Не за морем – за ближнею излукой.
...И станет рядом Родина твоя –
Перед людьми одна тебе порукой...

Сколько горечи, правды и надежды слышится, не так ли?

Поэты в России, конечно, есть. И они так же прозорливы душой и честны строкой («я сердцем никогда не лгу», как признавался С. А. Есенин). Но поэзия – это особая статья. Поэту нужен «со-творец», слушатель не просто воспитанный, а состоявшийся, утверждаю и напоминаю – нужен вызревший человек, с привитым вкусом, с чувством художественного слова. Диалог интересный и честный возможен только с равным. Но кто же сегодня воспитывает читательский вкус, кого заботит этот «пустяк»? Поэзия оказалась в таком упадке именно потому, что она наиболее чувствительна. Так и всегда, при переезде с места на место более всего берегут дорогой хрупкий хрусталь. Мы, переезжая из века в век, не сберегли самого дорогого. Кроме того, поэту нужен вовсе не случайный попутчик, а чуткий друг. (Ещё в большей мере чем художнику – зритель, ценитель.)

И поэзия первой реагирует на присутствие (или отсутствие) добра и любви. Поэзия – как, быть может, никакое другое искусство – нуждается в сподвижнике. И какой же резонанс наступает, если читателей – восприимчивых нового слова, их, друзей-слушателей внимательных, неподдельных, – не один-два, а много? Тогда – горение, это восхитительное пиршество единомыслия!.. Так, к общей радости, и случилось в ЦДЛ в Москве на награждении А. Г. Нестругина премией «Лучшая книга 2021 года СПР».

...Итак, одно из главных условий в мире поэзии: необходим воспитанный, подлинный, понимающий слушатель. Обывателю, обычному потребителю сегодня «не нужна культура», и он убеждён и даже отстаивает это своё «право»: не читать классики, не читать современной поэзии. Таким образом, намеренно создана агрессивная среда пребывания, где поэты, к величайшему сожалению, «не нужны

теперь». Ясно, что и «Год литературы» с мёртвой точкой не сдвинул ни на йоту той громады-инерции, не порушил этой горы тупого невежества и самодовольства. А ведь поэзия передвигала горы. С «Василием Тёркиным», с «Если дорог тебе твой дом...» побеждали, и, конечно, с «Катюшей».

Сегодня тысячи крикунов объявили себя «золотыми голосами России», «императрицами»: «Гуляй, шальная императрица! И вся Россия берёт с тебя пример» (ну что можно представить себе пошлее пляшущей на позорище «императрицы» эстрады?..). А поэты настоящие, нравственно чуткие? Они же мешают хорошему пищеварению. Они волнуют, отнимают сон и самоуверенность. Прочитал хорошего поэта – и вот ты уже усомнился в своём глаголемом атеизме. Прочитал и задумался о Родине, о любви к матери, к девушке... Ведь подлинно есть и иной мир, и иная поэзия, и боль, и счастье от строфы – это его, этого *иного мира* голос! Это от поэтов, от их стихотворений вдруг возникает необъяснимое мимолётное ощущение счастья. Или неуют и тревога. Они, эти настоящие поэты, теперь (вот беда!) пишут, скорее, для себя самих, для своей души и совести, чем для «заштатников» и для бездумной молодёжи, гоняющей чертей в компьютерных играх, ржущей на «ютубах» над «приколами». Этому-то потребителю, этому-то охотнику хоть как-нибудь повеселиться, хоть от чего-нибудь получить кайф, ему поэт не нужен. И поэту такой читатель – тоже. Лучше греться одному, своим огнём, от себя, чем разогревать ледяное дно Арктики, – неблагодарное это дело...

И это при том, что России всегда была дорога поэзия – как, пожалуй, никакой другой стране в мире. Россия – она живёт (и до сих пор) от сердца:

ПРОЩАЛЬНОЕ

Памяти Алексея Решетова и Николая Дмитриева

Тихо прошли мимо толп драчунов и кутил,
Будто Господь им заздравную чару не налил.
Вышли поэты – всё белым песочком светил –
К плёсу ночному, где донником жёлтым
расплескана налунь...
Молча стоят. Но слова, что Россией больны,
Что не давали скользить в это время пустое, –
Не изречённые – долго и горько слышны

В зябком, раскинувшем сонные реки
за край мироздания русском просторе.
Что им сказать? Что всё тянутся, тянутся к ним
Вётры Тарусы и говор на камском причале?
...Тихо стоят, как вечерний нетающий дым,
Не укоряя за выспренность скомканной,
сбивчивой речи и не отвечая.
Рядом стоят...

«Просто нельзя же нам так оскотинеть, ведь мы же люди», – как говаривал В. М. Шукшин. Страшно молвить, но приходится: ведь и безграмотность, полная безграмотность стала тоже явлением совсем не редким. В армию теперь приходят (по признанию майора-военкома) неграмотные солдаты из деревень – нет в сёлах школ. Развалили, сократили.

А вот сами столичные жители наши «заевропеились». Оно и правда (на первый взгляд), только в городе теперь человек в состоянии наесться «от пуза», приодеться. Глубинка живёт сегодня едва ли не труднее и не страшнее, чем четверть века назад. Наелись – да, но стали ли от того лучше? И вот уже и среди «грамотных» пошлый видеоряд решает всё.

А вот – А. Г. Нестругин, вслушайтесь: здесь всё об ином, о другом измерении бытия, не о миллионах. Дело вообще-то не в набивании безразмерного кармана. Не бедность – само отсутствие стремления к наживе, воздержание разумное разве не приближает нас к Богу? (Самое большое богатство, по русской пословице, – это не хотеть никакого богатства.)

Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась:
В груди, как у мыска,
Течение теснилось.
И всё, как наяву,
Как наяву, бывало:
К тому мыску листву
И луны прибывало...
Восторг... И боль. И злость.
Заката угасанье.

И незнакомых лоз
Знобящие касанья.
Смыкала льды тоска.
Даль полыньёй дымилась...
Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась!
Смеялся. И тужил.
Шептал теченью: «Вытай!»
И тем теченьем жил,
Как крутояр подмытый...

Как мало было надо для счастья в детстве: река и берег сплошь в стрижиных норах. И какое мелькание их перед дождём, какое счастье просто созерцать быстрокрылых птиц!.. Небо и птицы... («И ласточка *долго* летала», – скажет в книге «Упрямая речь» Нестругин, и тотчас дивишься, как точно это сказано!)

Русский чаще всего живёт не для себя, а для ближнего. Настоящий *русский для неба живёт*. Этому нас учат отцы и деды, бабушки и матери.

Русские поэты, если они сегодня и пишут, по большей части вынуждены писать «в стол», «для себя» – и всё же пишут (с осознанием, что не для себя, а для ближнего). И в этом тоже их альтруизм, и это бесспорно. Только встреча читателя-друга с поэтом сегодня отдалается во времени. Иногда случайны эти встречи, наперекор всему, как моя встреча с Нестругиным (хотя, по утверждению мудрых святых русских старцев, ничего случайного нет на этой земле). Почему-то им, поэтам нашей глубинки, не только не вредит творчество «в стол», а даже и растит их, и возвращает, и укрепляет их нравственно и духовно, как солдата растит затишье перед атакой. У русского человека есть умение ждать своего часа. Когда ты готов к атаке, к испытаниям и к смерти даже, то право на голос должно быть незыблемо. Память об этом – необходимое условие роста. И стихи зрелые нужны нам, читателям, гораздо более, чем самим пишущим:

Никого теперь не докричишься –
Эту службу поменять на ту...
Сердце, сердце, ты зачем стучишься
В подступающую темноту?
Нету, нету, никого там нету,
Тучи вместо дорогих теней.
Затихай, родное... Утром к свету
Постучимся, утро – мудреней.

А куда нужно больно сжаться
И прижаться к тёмным временам.
Это ветру можно обижаться,
Ставшим мутью вётрам, а не нам.
Нам-то что? Мы служею не веем –
Держим тучи, русский воздух пьём.
Мы любое время отогреем
Нашей горькой Родины – вдвоём...

Поэт, если он настоящий поэт, ставит голос «на высокую октаву», он выполняет задачи высшего порядка. Он определяет для себя пороги невидимые, путешествует в мирах иных, незримых и, к сожалению, мало доступных для нынешнего европеизированного и американизированного потребителя. Когда же, когда, наконец, состоится встреча нынешних русских поэтов с русским читателем? Когда поэт будет услышан? Вот вопрос вопросов.

Боренье крыш и крон:
Теснит, берёт в кольцо
Американский клён
Усохшее сельцо.
И предпоследний двор
В ольховник клёном вжат,
Как будто снова – мор,
Как будто снова – глад.
Всё так, но боль моя
Теснит мою тоску.
Пески... Но колея
Пробита по песку!
Родник, он всем родной,
Хоть и ольхою скрыт.

Здесь всем идти одной
Тропой из белых плит.
Зной жизни, жар степей –
Неси... лишь крышку сдвинь –
И, проливая, пей
Надежды русской стынь.
Всё это трёп пустой –
О смерти наших мест...
А этот – общий – стол?
А – православный крест?
А городской народ,
Что рад свернуть в сельцо?
...А клён к зиме взойдёт
На крайнее крыльцо...

Достойный путь Александра Нестругина от книги «Река» до его поэтической «Упрямой речи» (а между ними одиннадцать сборников стихотворений) – если не подвиг, то поступок, значительный до самоотвержения. Во все времена именно этот критерий, по сути, – единственное отличие истинного поэта от подёнщика, а в наше время – тем более. Это восхождение вверх по течению реки жизни. И восхождение это – длиной более чем в тридцать лет – против *бурого* «прогрессистского» течения, вверх. По глубине, по отмелям и стремнинам. Сквозь шлюзы и ожидания. Сборник стихотворений «Река» как бы связал незримо, прочно два берега, дал переправу и перспективу надёжную и верную:

до «У-прямой речи» (так выделил сам автор слово на обложке сборника – здесь и «упрямство», и «прямая» – глаза в глаза – беседа). Традиции русского мирочувствования, традиции стихосложения продолжены и развиты в книге с тем тонким и чутким отношением к слову, с которым надо не только родиться, но которое воспитывается и страданиями, и через быт, через отношения с людьми.

Книги эти связали с днём сегодняшним прошлую жизнь. Каждый из нас увидит здесь свои смысловые акценты, дорогие ему. Увидит и ощутит «общее чувствилище» литературного бытия. Так и я сам словно оттолкнулся от волны своей памяти, пошёл по реке – от полных прилавок книжных в бытность нашу обитателями советской эпохи, от выступлений (совсем будто бы недавних) в электро-стальском ДК Ю. Кузнецова и Н. Старшинова. От кинозалов и рабочих площадок для любителей поэзии, на которые приезжали и Е. Исаев, и Н. Тряпкин, до множества литобъединений в городах и посёлках... (Где сегодня всё?..) И – до друзей моих по литобъединению, Литинституту – тех ребят, которые только начинали жить творчеством. Он, Нестругин, «связал» «Рекой» своей, как узлом, чаяния и мечты тогдашние с сегодняшним днём самым «упрямым» узлом. Некая перемена, кажется, настагает «изнутри» при чтении строк, от которых, словами героя В. М. Шукшина, «мурашки по коже». Он сплёл *переправу* рифмами и чувством, соединил «тот берег» и этот – берега жизни.

Сегодняшнее время, как видится, «беременно» и плодотворно вынашивает ренессанс – новое восхождение *русского искусства*. Нужна и всего-то только «повивальная бабка», чтобы и наше время – и оно тоже – очнулось, стяхнуло обморок идейки сытой лишь и пустой жизни.

Необходимо понимать, что как бы ни были трудны даже кажущиеся и безысходными времена, но помощь придёт. И подмога имеет наши исконные национальные черты, и помощь эта не будет желчно-мстительна, но справедлива будет. Надо научиться нам всем именно у наших поэтов смотреть вдаль, на утреннюю и вечернюю зарю над рекой, на небо, на звёзды, на купола храмов среди бело-снежных облаков, на возрождаемые церкви, помнить о стержне, о стойкости характера – нашей ни на чью другую не похожей национальной черте. Это спасёт (и не только это, конечно...), и лишь такая «огранка» души обещает нам и понимание, и внимание ближнего. Такое созерцание мира Божьего необходимо и естественно.

У Нестругина нет прямых взываний к Богу, но Его присутствие ощущаешь очень часто, едва ли не в каждом стихотворении. «*Река*» *времён* – книга А. Г. Нестругина – тихими и задушевыми строками забирает и уводит далеко вверх – против общего обывательского течения: так на лодке на утренней или на вечерней заре трудно идут, и долго не отпускает мускульное напряжение гребца. И вот я читаю, пью этот воздух, эту изморось и росу, пью эту свежесть, с наслаждением вдыхаю до самого дна лёгких. Вот послушайте:

«Обрыв донской – моя столица!» –
Итог. И – сумерек печать...
И можно слепо веселиться,
А можно – пристально молчать.
Вбирать с обрыва ширь заречья,
Где свет мой жил и погибал,

Где меркнет что-то человечье
Так, что – позёмка по губам.
А тот озноб ничем не лечат
И на погляд не выдают.
Ведь жизнь одна... И недалече
Снега, как ангелы, поют...

Из нашего «железного», ржавого и клипового века излучина «Реки» Нестругина уводит к светлым родникам. А ведь у всех у нас в истоках река. Город и деревня – их всегда основывали, начинали у реки, искони. Потом уносила уже вдаль эта река, кого куда: по миру ли, за границы ли. Некоторых даже и в моря, а то и в космос. Унесла *река* и меня течением, волной прибила к тому недалёкому, но теперь уже «почти былинному» краю жизни, воспоминаний, когда Россия была шестой частью Земли, великим СССР; в тот век – глубоководный, в котором многим из нас довелось становиться на ноги и взрослеть, служить в армии, работать в цеху, у печи и у станка (и всем хватало и дел, и места) – в тот век атома и оболганного теперь уже «соцреализма», когда жилось, а не существовалось, *жилось!* – и всем...

И вот в то время, в 1988 году, вышла в издательстве «Молодая гвардия» первая книга стихотворений Александра Нестругина «Два голоса». Книгу тотчас заметили, приняли, на неё обратили внимание. Она многое обещала и предвещала. Но... грянул 1989 год со всеми вытекающими из него событиями, с теми последствиями, которые и сегодня, при одном воспоминании, пронзают до дрожи, до содрогания... Стало как будто не до поэзии, опустились руки. Нестругин создавал поэзию всегда –

даже и в те поистине сумасшедшие, суматошные времена. Для нас. Никогда не шёл на компромисс или на поводу у времени. И вот я читаю стихотворения, вижу, как держал и держит он удар времени, не позволяя опуститься и нам вместе с ним до отчаяния. И даже в некоторой кажущейся шероховатости, когда она встречается, строки воспринимаются ещё живее и органичнее, как листок ольхи, угодивший в котелок на костерке для ухи, как песочек из родника, к которому приник от жажды. Всё зримое, живое, дорогое, нашенское... Всё осязаемо, всё можно и потрогать, и вдохнуть, и понять-познать прикосновением.

Прав Александр Нестругин (кстати, он замечательный публицист, прозаик), когда пишет, что нынче на смену боли и страсти, заключённым в поэтической строке, всё чаще приходит слоган – примитивный, прилизанный хлыщ в стильном прикиде. «Он фантом, у него нет души, но многих ли это смущает?» – размышляет Александр Гаврилович, припоминая в этой связи известную строчку того самого раскрученного современного стихотворца – гулкую и вроде бы значительную, тысячи раз цитированную, бездумно разобранную пишущим людям на заголовки в сотнях вариаций (строчку *пишта-прогрессиста*, сказавшего о себе, что он «больше, чем поэт», не ссылаясь на Ираклия Андроникова, верифицируя чужие слова). «Повторяем, – замечает Нестругин-публицист, – даже не пытаюсь вдуматься: поэт – больше, чем поэт... да возможно ли? Ведь поэт – настоящий, Божьей милостью – это Вселенная; разве может быть она больше или меньше чего-то, тем паче – самой себя? А выше, “больше” неё только Творец. Уж не Ему ли пытается уподобить себя (именно себя, чего уж тут лукавить) тот стихотворец – да, одарённый, но уж слишком заласканный властью, привыкший постоянно тереться о её штанину носитель “гордого духа гражданства”? А мы и обрадовались: ну, как точно сказано! На самом деле сказано не точно, а всего лишь броско. Вполне в духе жанра, который условно можно назвать эстрадно-шумовым. Не из него ли вышли все эти сегодняшние пустоватые реалити-шоу, вырос этот навязчивый слоган, пытающийся вытеснить живую человеческую речь?»

И как же хорошо (отрадно) вдумчивому читателю после всех этих невесёлых, утомительно-примитивных, чужеродных эскапад на нынешней поэтической арене вернуться к поэзии! Вдохнуть весеннюю свежесть его Вселенной, его «Реки» жизни, его «Упрямой речи»:

Родина, это тобою забыто:	Как тут живут – без решёток, без кода,
Брошенки-избы ласкает паук.	С тусклою лампочкой в пару свечей?
Но ведь окошко одно не забыто,	Сердцем упавшим стукнет щеколда...
И занавеска качнулась на стук...	Сможешь ответить Отчизне: ты чей?

«Ты чей?» – звук упавшей щеколды запертого надолго родного дома. Эту интонацию не найдёшь, если не переболел долгим и больным расставанием с родным домом, с домом отца, деда. Это основа поэзии, её корневая система: «Любовь к родному пепелищу, // любовь к отеческим гробам». А. Г. Нестругин и беды, печали, и радости делит со своей землёй, со своими земляками. Ему есть о чём напомнить: о насущном.

Остаться самим собой и тем спасти себя от ошибок – не значит ли сохранить душу? «Что пользы тебе, если ты приобретёшь весь мир, а душе своей повредишь»... Большие поэты остаются в литературе не только вечными раздумьями, акцентами, созвучными пульсу, ритмам сердец, самыми неподражаемыми, тонкими созвучиями, которые нельзя подделать; теми хрустальными мотивами, тем «голосом», которым никто до них молвить не мог, но и тем ещё (и это главное), что болели общей болью с народом, жили его, народа, чаяниями. И с ним делили и горе и радость. Таков весь Нестругин.

Опадает листва...	Стая ласточек быстрых,
И становится слышно,	В плохое не веря,
Как трубят,	Как на санках,
Как трубят на душе журавли!	Катается на сквознях...
Сняли шапки с голов	Но просёлки уже
И на видное вышли	Проступили – как вены
Все деревья	На усталых
Тревожной	Осенних
Родимой земли.	Крестьянских руках.

В самые сложные времена, в перестроечные, когда и хлеб не на что было купить, а крупу выдавали по два кило в одни руки, да и то по карточкам, Нестругин издаёт книги: в Воронеже – «Русское имя», издательство В. Кисляка. Заметим, что это было время, когда и назваться своим русским именем – нужно было отважиться, сколько было укулов и наветов на тех, кто «не повёлся» на «либерально-демократическую» болтовню. «Я русский» – это звучало в ту пору как вызов властям. «Патриотизм», «патриот» было не существительным, а определением, к тому же ещё и ругательным. Назваться русским, а не «россиянцем», было равноценно поступку с полным пониманием последствий. В стихотворении «Встреча», посвящённом поэту с поломанной судьбой Г. Я. Луткову, потерявшему в лагерях более пяти лет жизни, Нестругин напоминает нам о чувстве собственного достоинства, о призвании и самой сути бытия человеческого:

Устали ответы, затихли вопросы,
В костре головешки, как речка, дымились.
А в банке, где сок был, осенние осы
Тонули, карабкались, плакали, бились...
И что ему вспомнилось в эту минуту?
Суровые годы? Жестокость людская?

Склонился... И подал им тоненький прутик,
Как будто бы осы те – ценность какая.
А после глядел сквозь кусты чернотала –
И что он там видел, где не было света?
И мне в ту минуту понятнее стало,
Как жить, чтобы стать настоящим поэтом...

...Далее следует сборник «Свои снега», изданный в Воронеже (издательство Е. А. Болховитинова, 1999 год). Перепутье, канун 2000-го, «миллениума». Апогей невежества и безысходности. Кто-то ждёт конца света, кто-то ушёл в клерки, в банки, в офисы, в прислуги – куда угодно, лишь бы сытно... Что может быть мерзостней Смердякова, дорвавшегося до власти, до денег? Союз писателей разорён, фонды разворованы... Продаются здания, детсады, ясли, библиотеки, букинистические магазины, ставшие вдруг «нерентабельными», оформляются под офисы коммерсантам, под дома для утех – им же...

Неустроенность быта едва ли не достигла своего «фортиссимо», а в Воронеже у Нестругина выходит в издательстве «Новый взгляд» новая книга стихов «Ещё цветёт кипрей». Как видим, даже издательство натягивает на себя, примеряет новую, не по росту обнову: «Новый взгляд» («новое мышление» небезызвестное). Какой «новый»? Разве не *всё уже было* под этим вечным небом, под тем же солнцем и той же луной? Всё, да не всё, как видим... Надо ли повторять, что сборники стихотворений выходят небольшими тиражами, крохотными по сравнению с теми, которыми издавала «Молодая гвардия» в оболганные времена... Издаёт автор книгу на свои средства без сетований и скулежа, даже с гордостью. И времена понемногу начинают выпрямляться, расцветают алым, как кипрей на пепелище, выправляются... Судьба сама выводит на торный путь – и вот уже, обратим внимание, Центр духовного возрождения Чернозёмного края выпускает новую книгу А. Г. Нестругина – «Лирика». Это уже близкое к нам сегодняшним время – 2007 год.

Если мы прочтём *лирику* из книги его тех лет, мы увидим, что это ещё та лирика, которая пробирает до самого сердца словом, чувством... Подлинный свой, ни на кого не похожий взгляд и голос. Стихотворения Нестругина разнятся и по интонации, и по настроению, и по форме, объёму, ритму. И лишь смысл, суть, нравственные устои – незыблемы. Нестругин-поэт – весь нерв.

Вот его «Открытый билет». Этот сборник стихотворений вышел в издательстве ООО «Пресса ИПФ» в 2011 году. Издан сборник внушительно, академически выверенно, точно, без опечаток, присущих преждему безвременью, когда издавали многих «на скорую руку», по *либерально-демократическому* принципу. И озаглавлен сборник по названию одного стихотворения, несущего основную смысловую нагрузку: «Открытый билет». Билет жизни, билет только в одну сторону. Никакого «второго сеанса» не будет. Это заметил ещё В. М. Шукшин в одном из рассказов. Но вот и А. Г. Нестругин – об этом, и о смерти, и о бессмертии; о жизни, о неповторимой усладе и терновой горечи бытия говорит, так говорит нам, что ни с кем не спутаешь:

ПЛАЧ О ПОЭТЕ

Как он глядел непохмелённо;
Как, выпив, дик бывал и груб;
Как улыбался опалённо,
Очнувшись, – уголками губ...

Как он писал – тут знают мало;
Сходились солнце и луна,
И там, меж них, душа стояла,
Земным огнём опалена.

Как дни круты, сердца жестоки!
 Но тонкий свет у края мглы
 Покуда держат эти строки –
 Одни обрывы да узлы.

Уже мы нового не скажем.
 Но все обрывы, прах и дым
 Сведём в одно, судьбою свяжем
 И станем с нитью той – одним.

Да и я, я сам разве не чувствую этой суровой правды поэтического слова? Но, «униженный» «до смиренной прозы» своими писаниями, всё же могу растолковать, как толмач, то, что я слышу, что чувствую за этими строками. Это поэтическое высокое бытие.

Были ли у него «промежуточные» публикации в периодике? Конечно, были. Они как верстовые столбы на пути-тракте, и много их: в антологиях, в журнале «Подъём», который был и остаётся одним из самых значительных отечественных литературных журналов. Издавался и в Москве в «Роман-журнале XXI век», в Самаре, в Оренбурге, в литературном альманахе «Гостинный Двор»... Но вот держу в руках книгу «Река» 2012 года, изданную в Центре духовного возрождения Чернозёмного края: избранные стихотворения. Держу и жалею, что тираж не тот, мал до обидного – не по этой книге, не по её возможностям.

Смотрю на сборник цветом в малахитовый камень. На обложке – золото вечерней зари над рекой, ожившей из-под льда. Берега ещё в снегу. Эти стихотворения и были с нами, и есть. Они поддержали многих в годину безнадежную, в пору безденежья и безработицы, уныния и безверия. Некоторые из них, из этих строф, я читал в журнале «Молодая гвардия», иные – в «Нашем современнике», иные – в «Подъёме», других журналах, и всегда приходило благодарное чувство узнавания товарища, близкого по духу человека, всегда хотелось прикоснуться к его строкам приветно.

Мысль сокровенна, а слово – соборно.
 Слово живёт то равнинно, то горно.
 Помню: одна из его половин –
 Камень, что держит стремнины лавин.

Помню: его половина другая –
 Губы ожёгшая влага тугая,
 Знобкая влага ключа-родника;
 Губы всё ищут, изнемогая, –
 Камень вслепую находит рука...

И это истинно так: жизнь подобна восхождению по скале, восхождению «через не могу», под зноем и дождём, с пересохшими губами, когда рука ищет и не находит опоры, камня. Миг – и ты в стремнине. Так что же было с нами все эти годы? «Разберёмся во всём, что видели, // Что случилось, что случилось в стране», – тот, которому на роду было написано стать великим русским поэтом, поведал нам, что *случилось в нашей обители* «по чужой и по нашей вине». Так что же, собственно, было? А было увлечение нашей «постперестроечной» литературы пустой игрой в «подкидных дураков», когда третьестепенные писания пусть и прославленных в прошлом литераторов выдавались за истину в первой инстанции. И было увлечение повальное «подмётными письмами» подписантов, выставление иронистов и пагубистов (от «пагуба» – навет, надмение) как гениев. Были нападки друг на друга в общем и в частном порядке... Кто-то унывал, но не участвовал, не веря, что в силе противостоять этой стихии беспардонной низости, а кто-то не хотел участвовать ни в этом дележе с визгом и рваной шерстью (по пословице), ни в дрызгах с мезью и наветами друг на друга, ни в борьбе за правду, даже за «полуправду». Кто-то гордо, а кто-то подавленно молчал. Но вот некоторые, и они лучшие, все эти годы творчески и напряжённо работали.

...Верность традициям и изумительное чувство слова никогда не подводят А. Г. Нестругина. Таким образом, он никогда и вскользь не попадал в тень осины, дерева иудина, – древа с трепещущей даже и в безветрие листвой, на котором остался болтаться обрывок верёвки первого несогласного протестующего, самого первого из известных нам революционеров... Тень той осинки и сегодня велика. У нашего же поэта, в его *упрямой речи* основа – вяз, осокорь. Коренастый русский вяз с вековой, а то и более чем вековой корневой основой, с укоренённостью в отечественной истории, в родной почве, с памятью о традициях и заветах предков. И этим, главным, он деятельно противостоит бесовщине:

Ночь. Одиночество. Всплески сазаньи:
 Сколько здесь кровной, забытой родни!

Выйду к обрывам – сухими слезами
 Плачут, от радости плачут они!

И открываются, горько и сразу –
Вовсе не смыслы мира сего:
Нету нужней одинокому вязу,
Чтобы по-братски я обнял его.

Разве его я не помню, не знаю?
Разве я сердцем его не пойму –
Так не хотевшего – к тёмному краю,
Так подошедшего близко к нему...

Есть у Тургенева «Стихотворения в прозе», где он, мастер больших романов, во вступительном слове к читателю предупреждает, что эти «стихотворения в прозе» «нельзя читать сподряд», а только так: по одному в день: «прочёл, подумал»... Автор предполагал, что прочитавший до конца одно-два в день стихотворения будет помнить строфы, ходить с ними, в думах об этом стихотворении вынашивать, додумывать, и строки «дозреют» в душе читателя. Вот так же и советовал бы и я читать Александра Нестругина, и сам так перечитываю...

Над волчьей водою качаются ивы устало,
Но дальнее небо ещё с темнотой не слилось.
И в редких просветах простора щемящего мало,
А было бы много – к чему бы так сердце рвалось...

К Богу. Сердце русского рвётся к Богу во все века. Читая, слышишь этот зов... Шорох сухого камня. Распростёртое небо. Стукнувшая щеколда – и вечный вопрос при встрече с жителем деревни: «Ты чей?» – всё тот же больной вопрос.

Год лежала на моём столе книга «Река», и я возвращался к ней часто. Вынашивал впечатление. Обжигала эта ключевая свежесть образов, от которой радуешься, как в детстве, – той забытой, казалось бы, радостью первооткрывателя с наивным незамутнённым взором.

Снова вспомнилось: «Не поминай имени Бога твоего всуе» (в суете, походя), – сказано нам. И у Нестругина случайных упоминаний не найдёшь (редчайшее и единственное: «Боже правый»). А между тем через память смертную, едва ли не важнейшую христианскую добродетель, на тончайшей разделительной грани между жизнью и смертью строится многое в его творчестве. И здесь – то же ощущение, подобное тому, когда, войдя в церковь, в трепете сияния свечей и в тишине перед вот-вот начинающейся вечерней службой вдруг остро почувствуешь: тут Бог.

Главное свойство *русского* стихотворения, традиции – неподдельная искренность стиха. Вот отчего так близки русскому сердцу Рубцов и Есенин, Фатьянов и Твардовский... У Нестругина – изгиб реки, плавни, ерики... души излучина... Говорят, «жизнь прожить – не поле перейти»; у Нестругина жить – переплыть Дон, да не раз и не два переплыть, а многократно. А как эти стихотворения собирались, как они зрели, росли и писались, в какой бытийной тяжести – не всякий знает.

Краткая официальная справка о поэте: «Александр Гаврилович Нестругин родился 1 января 1954 года в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Поэт, член Союза писателей России (с 1993 года), лауреат премии Воронежского комсомола имени В. Кубанёва (1988), премии «Имперская культура» имени Э. Володина (2008), лауреат XIX Международного литературного конкурса имени А. Платонова «Умное сердце» (2012). Он окончил юридический факультет Воронежского государственного университета (1976). Работал в селе Петропавловка Петропавловского района: следователь прокуратуры, адвокат, заведующий юридической консультацией, судья, председатель районного суда. Печатается с 1975 года. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Дон», «Простор», «Русское эхо», «Гостиный Двор», «Сура», «Огни Кузбасса», «Роман-журнал XXI век», «Москва» и других. Автор ряда книг стихов, опубликованных в 1980–2020-е годы. Член редколлегии журнала «Подъём». Живёт в селе Петропавловка».

...Иногда думается: сколько повидал он на своём веку, да не просто видел, а и «разгребал» за людьми «завалы» не самых благовидных поступков, дел и делишек... А ведь и времена-то какие были с 1990-х (да отчасти и сегодня)! Уверен, что и нападок, и предложенных ему «компромиссов» было немало. И грозили, конечно, и пугали... Но он выдюжил и, что самое главное, – не разочаровался в нашем брате-человеке. Я спрашиваю себя: а мог бы я вынашивать стихотворные строки, работая адвокатом, судьёй, выезжая на места преступлений, убийств? Спасать себя и других творчеством – это одно говорит уже о недюжинном присутствии духа.

Я учусь спокойному отчаянью...
Хриплый голос пересилит дрожь
И сомнёт всё слабое, случайное
Неслучайным резким словом: «Врёшь!»
«Врёшь!» – всему глухому, не любившему,
Бывшему, как враг, исподтишка,
Ухмыльнувшемуся другу бывшему,
Что списал тебя как слабака.

«Врёшь!» – как взрыв, ударивший отрывисто,
И на миг рванувший из-под ног
Этот русский, этот берег ивистый...
Я поднялся, удержался, смог!
Горькая, угрюмая, печальная,
Ты со мной, судьбина, не хитри!
Потому что русское отчаянье –
Как пружина, сжатая внутри...

1995

Да, это бой. Канада слышна и по сию пору. И мы помним этот год...

...Немота во тьме перед зарёй на реке, восхищение миром Божьим, звёзды, упавшие в реку... А за строками – какая внутренняя работа! И надо прожить с этим чувством восхищения богоданным миром и смирения перед Богом, с пружиной сопротивления тёмным силам, тучей обложившим Россию, при сознании всей низости, и бренности, и «обыкновенности» несовершенств «человеческой природы», с чем так часто сталкиваешься (за пределами поэзии – едва ли не ежедневно). Вот где, на стыке разных общественных и индивидуальных интересов, на переломе вер и времён, – сокровенный и негромкий, но пронзительно трогательный голос многое повидавшего и многое про нас, людей, знающего человека – такого, чего, быть может, и не знать бы ему лучше... Но сказать метко и умело – этого мало: надо уметь ещё увидеть и об увиденном ёмко, метафорически молвить, нужно уметь «затронуть струны». И это при том, что совсем иные обстоятельства подступают, наступают на живую душу...

Уголовные дела,
Протоколы да повестки.
И стихи – так неуместно –
В нижнем ящике стола...
Обыватель изумлён:
«Это на такой-то службе?!
Как же можно? Тут ведь нужно...
Шутка ли сказать... А он...»
И шуршит, шуршит, как мышь...
И начальство недовольно:
«Вольно Вы или невольно,
Но роняете престиж!»
Да, роняю. Да, грешу.
Давит воздух кабинета!

А в потёртой папке этой –
Ветер... Можно, подышу?
Можно, из ведра напылюсь,
Нос нечаянно макая?
«Холоднющая какая!» –
Охну. Рукавом утрюсь.
Дождь ли в липах прошумит,
Чиркнет жёлтый лист о крышу –
И зачем всё сердце слышит?
Откликается. Щемит...
Уголовных дел стопа.
Фотоплёнки. Слепки. Тряпки.
И – стихи в потёртой папке...
Блажь. А может быть, – судьба...

Несомненно, судьба. То, что называется: на роду написано быть поэтом. А ведь это стихотворение 1977 года! А «грешит» пишущий тем, что остаётся человеком, личностью.

У Нестругина нет шалопайства, рифмованного бытописательства, пошлых деталей с недопитой водкой на столе, разрухой в сердцах и в головах, с борьбой на кроватях и в кроватях, – словом, нет того, что называют в определённых околосредовых кругах *поэзией*. Голос его чист и высок. И предметы высоки и светлы. Достоинно видеть – значит достойно мыслить. Нет самолюбования через предмет. Поэзия – дело высокое: «О, если б прорасти глазами, // как эти листья, в глубину!» – говорил великий русский поэт.

А вот как о противостоянии в литературе, о разных её полюсах, о поднятой на щит мелкоотемной «поэзии своих для своих» ещё более определённо и жёстко говорит замечательный критик и аналитик В. Д. Лютый, когда называет список литературных имён, которые неотделимы от русской жизни и русской доли. Он сравнивает для контраста их с когортой сытенных и устроенных бытописателей, «бытопиитов»: «Изобилие тем и интонаций, проникновенная и точная речь, честное и самоотверженное сердце, готовность любить всё родное и дорогое до смертного часа – в какой национальной литературе мира можно найти столько вдохновения и эмоций? Однако сборники этих и многих других прекрасных авторов отсутствуют в магазинах областных городов, их приходится “вылавливать”

в московских книжных лавках и редакциях. Страницы бумажных литературных газет крайне редко публикуют стихи. <...> Искусственная удалённость лучших русских поэтов от читателя позволяет иным аналитикам от литературы говорить с придыханием о чём-то совершенно ином и достаточно мелком: о Вере Павловой, Сергее Гандлевском, Дмитриии Быкове, Льве Рубинштейне, Вере Полозковой и им подобным, – чем дальше перечисление, тем мельче фигуры. В результате современная поэзия низводится до уровня лирического планктона – вездесущего и трудно уловимого взглядом читателя, уже знакомого с подлинными художественными достижениями. А некто в звании критика сокрушённо вздохнёт об упадке “русской” лирики.

Необходимо терпение и внимание, желание понять, а не только оценить книгу, которая перелистывается тобой. И тогда уныние не покажется тебе главным в сегодняшней жизни и творчестве, а главное достоинство мастерства увидится в его незаметном присутствии в строке, а совсем не в демонстративном кликушестве очередного сноба, затосковавшего в башне из слоновой кости».

Лучше и точнее не скажешь. Ибо и впрямь: кого нам выставляют за поэтов? Или мы сами не в состоянии отличить чистое золото от сплава, от рандоли, и бутылочное стекло – от алмаза? Несомненно, что время переменится, да и меняется уже. И тогда сборники лучших русских поэтов не по тысяче экземпляров появятся в свет, а по десять, сто тысяч, как это бывало прежде. Верю, что вкус любителя слова не навек испорчен. Будут радовать читателя сегодняшние поэты из Воронежа и Оренбурга, Рязани и Челябинска, Екатеринбурга, Владивостока, а «лирический планктон», как и уродливые гельмановские обрубки красных деревянных чурбанов с головами дынькой, не посмеют выдавать за подлинное искусство, как и дрянь «винзаводскую» или кощунство «сахароцентровское», а поганые «биеннале» перестанут нам морочить голову, и организаторы этих сборищ ответят за ту разруху в сердцах и в головах, которую учиняют и по сей день ещё.

...Вот читаешь нестругинские строфы и кажется: ну что же здесь особого – река да звёзды, ветла... Отчего же от этих строк дрожь пробирает? Вот уж и впрямь: «Огромна власть у слов, // поставленных где нужно». И удивительно, что книга, в которую автором столько вложено душевных сил, столько своего, неповторимого, – книга такого высокого напряжения давно могла быть отмечена серьёзной премией. Конечно, автор работал не для премий и похвал, а потому, что дышалось так, так и писалось, и это понятно по-человечески. Эта книга «Упрямая речь» – итог труда полувекового, знак исключительной преданности литературе.

Нет для меня верней, тревожней,
Заветней нескольких минут,
Когда твой шёпот осторожный
Вершины тёмные вернут
Душе, в которой столько мрака,
И звёздочка дрожит одна –
По звуку твоему, по знаку
Водой Небес вознесена.

Только так. И никак иначе. И тут ни прибавить, ни убавить.